

DOI: 10.31312/2310-6085-2025-20-2-44-55

УДК 314.172

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. В. Лагутин, А. В. Шентякова

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация

Аннотация: Демографический детерминизм как научная концепция, объясняющая влияние динамики роста населения на социально-экономические процессы, возникла в начале Британского цикла накопления капитала, формирования первого технологического уклада в рамках Большого Кондратьевского цикла экономической конъюнктуры. Данная концепция пыталась объяснить, как рост бедности населения, так и рост его благосостояния. Именно в период развития капиталистических отношений в Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах демографические характеристики стран становятся независимыми переменными, предикторами в формулах определения стратегической устойчивости экономик, их роста или наоборот падения. Представители экономических школ Абстрактного и Другого канонов по-разному использовали демографический признак, объясняя причины богатства и/или бедности различных стран. Экономическая практика стран во многом определяет результаты той или иной экономической модели, принятой в рамках стратегий развития конкретного государства. В работе рассматривается специфика индустриального способа хозяйственной деятельности различных экономических систем — капиталистической и социалистической в контексте концепции технологических зон. Противоречивость современной российской политики заключается в конфликте между осознанием политической элитой необходимости роста народонаселения России, как условия не только создания технологического и экономического суверенитета страны в условиях перехода к шестому технологическому укладу и новому витку геополитического противостояния онтологического свойства, но и элементарного физического выживания страны с одной стороны, и курсом финансово-экономической политики неориентированной на развитие реального сектора экономики, что соответственно не способствует росту народонаселения. Рассматриваемая в работе проблема, призвана выявить особенности именно экономического влияния на демографический процесс в России, а также возможные способы решения демографической проблемы современной России экономическим путем.

Ключевые слова: индустриализация; капитализм; стратегия сравнительного преимущества; экономическая политика; технологическая зона; экономический либерализм; технологический уклад.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; принята к публикации 23.06.2025.

- © **Олег Владимирович Лагутин** — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, apisol@yandex.ru
- © **Анна Владимировна Шентякова** — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, anna_pedagog@mail.ru

---

DEMOGRAPHIC CONTRADICTIONS OF THE ECONOMIC POLICY OF MODERN RUSSIA

O. V. Lagutin, A. V. Shentyakova

Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

---

Abstract: Demographic determinism as a scientific concept explaining the influence of population growth dynamics on socio-economic processes arose at the beginning of the British cycle of capital accumulation, the formation of the first technological structure within the framework of the Great Kondratieff cycle of economic conditions. This concept tried to explain both the growing poverty of the population and the growth of its well-being. It is during the period of the development of capitalist relations in Europe and the United States of North America that the demographic characteristics of countries become independent variables, predictors in formulas for determining the strategic stability of economies, their growth or vice versa decline. Representatives of the economic schools of the Abstract and Other canons used the demographic feature in different ways, explaining the reasons for the wealth and/or poverty of different countries. The economic practice of countries largely determines the results of one or another economic model adopted within the framework of the development strategies of a particular state. The paper examines the specifics of the industrial mode of economic activity of various economic systems — capitalist and socialist in the context of the concept of technological zones. The inconsistency of modern Russian politics lies in the awareness of the need for population growth in Russia as a condition not only for the technological and economic sovereignty of the country in the context of the transition to the sixth technological order and a new round of geopolitical confrontation of an ontological nature, but also for the elementary physical survival of the country on the one hand, and the implementation of a financial and economic policy not focused on the development of the real sector of the economy, which, accordingly, it does not contribute to population growth. The problem considered in this paper is designed to identify the features of the economic impact on the demographic process in Russia, as well as possible ways to solve the demographic problem of modern Russia economically.

Keywords: industrialization; capitalism; strategy of comparative advantage; economic policy; technological zone; economic liberalism; technological structure.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO «Institute for Peace and Conflict Research».

Received May 12, 2025; in final form June 23, 2025.

- © **Oleg V. Lagutin** — Cand. Sci. (Policy), docent, the department of Polytechnic Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University, apisol@yandex.ru
- © **Anna V. Shentyakova** — Cand. Sci. (Policy), Senior Lecturer the department of Polytechnic Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University, anna_pedagog@mail.ru
-

Демографический потенциал государства всегда был одним из ключевых признаков военно-политического, экономического и технологического суверенитета. В докапиталистический период развития общества, где цивилизационный прогресс между государствами определялся в конкурентной борьбе на полях сражений, количество рекрутов во многом являлось ключевым фактором победы. В военно-политическом контексте этот исторический период условно можно назвать «эпохой больших батальонов». Когда во время проведения Венского конгресса после наполеоновских войн формировался такой международный политический институт как «концерт великих держав», одним из двух условий включения в эту систему для государств анти-наполеоновской коалиции, был выделен демографический потенциал в минимальном размере — 10 млн. человек от государства кандидата.

Особое значение демография стала играть в период Британского цикла накопления капитала, в так называемый период классического капитализма. Прогресс определялся теперь посредством конкуренции между странами в экономической сфере, и демография стала отражать не только количество подданных, но и его качественные характеристики, такие как уровень образования, платежеспособность, наличие проектных ценностей. Во второй половине XIX века в Европе появляется такой феномен как «массовый человек» — продукт технического прогресса и урбанизации, с одной стороны давший большинству населения развитых стран образование в рамках гностического учения, возрастающую производительность труда с ростом прибавочного продукта, возможность приобретать и пользоваться результатами труда современного промышленного сектора, с другой стороны, являющийся объектом информационной манипуляции СМИ [1, с. 213].

Промышленная революция в Европе положила начало индустриального способа хозяйственной деятельности, где обрабатывающая промышленность становится основной формой производства материальных благ, и страны, которые опосредуют ее в этом процессе, способствуют углубленному разделению труда и как следствие экономическому росту. Особенностью экономической стратегии развития этих стран на первоначальном этапе стала политика протекционизма, направленная на защиту ведущих отраслей экономики со стороны правительств, имеющих стратегические перспективы.

Норвежским экономистом Эриком Райнертом были стратифицированы две группы стран, различающихся качественно, как по уровню экономического развития страны, так и по уровню благосостояния населения. Райнерт выделил группы стран с совершенной и несовершенной конкуренцией. В первом случае производитель не может управлять ценовой политикой в отношении произведенного товара, что влечет за собой убывающую отдачу, характеризующую невозможность расширения производства за пределы определенного уровня, сохранения убывающих издержек и ограничении дифференциации выпускаемой продукции. Во втором случае производитель управляет ценой своего товара, что способствует расширению производства с последующим снижением издержек производства. [2, с. 36–37].

Как показывает экономическая практика, страны с совершенной конкуренцией специализируются в хозяйственном отношении на добыче и экспорте природных ресурсов и продукции аграрного сектора. Данный вид экономической деятельности со временем сталкивается со снижением плодородия земли, сокращением посевных площадей под доминирующую монокультуру. Деятельность, связанная с добычей и экспортом природных ресурсов, сталкивается со временем с проблемой их истощаемости. К тому же цены на продукцию этого вида экономической деятельности сильно подвержены конъюнктурным рыночным колебаниям. За счет экспорта ключевой монокультуры страна формирует бюджет, приобретает товары и услуги, которые сама производить не может. Ограничение расширения производства, рост издержек, снижение цены на внешнем рынке для конкурентоспособности способствуют росту безработицы, снижению заработных плат работникам. Подобная экономическая политика не способствует росту народонаселения, так как производственные отношения не могут задействовать все работоспособное население. Большой процент трудоспособного населения становится «лишним» для экономики и обузой для государства.

Они пытаются выжить за пределами своей страны, пополняя армию мировой миграции.

Правительства стран, в экономической политике, используя несовершенный тип конкуренции с эффектом экономии на масштабе, предусматривающий убывание предельных издержек на каждую единицу продукции при увеличении масштабов производства, проводили политику экономического протекционизма в отношении перспективных отраслей своих экономик, концентрируя ресурсы на развитие приоритетных отраслей обрабатывающей промышленности, которая не имеет активов, непосредственно зависящих от природы. Имманентными факторами подобной политики, способствующими увеличению богатства, являются — рост количества и многообразия различных профессий, видов хозяйственной деятельности, что усложняет экономику, углубляя разделение труда, рост городов, где концентрируются в большом количестве наиболее активная и квалифицированная рабочая сила. Углубление разделения труда сопровождается и ростом населения, которое становится необходимым материальным условием экономического развития государства. Таким образом, правительства в этих странах создавали ренту, которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких затрат и на правительство в форме больших налоговых поступлений» [2, с. 30]. Получаемая, таким образом рента закрепляется и многократно увеличивается с помощью института «свободной торговли» между странами с разным уровнем экономического развития. В теоретико-стратегическом аспекте на этом этапе главную роль начинают играть принципы стратегии сравнительного преимущества, которые легли в основу теорий, получивших наименование — абстрактного канона, где общественная среда атомизирована, а индивидuum выступает абстрактной единицей экономического анализа. Особенностью данных теорий являлось игнорирование качественных различий между видами хозяйственной деятельности. К абстрактному канону относятся труды Анн Робер Жак Тюрго, Франсуа Кенэ, А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, К. Маркса и других теоретиков.

Ключевая идея теории сравнительного преимущества заключается в международном разделении труда, где каждая страна-актор специализируется на определенном виде хозяйственной деятельности, в котором она наиболее преуспела, и имеет экономические преимущества в сравнении со своими конкурентами в рамках свободной торговли. В ходе этой торговли

происходит обмен в виде идентичных трудовых часов, не имеющих качественных характеристик, но являющихся эквивалентным стандартом обмена между различными мировыми экономическими субъектами. Трудовой час, согласно данной концепции, затраченный на выращивание какой-нибудь сельскохозяйственной культуры в стране третьего мира, эквивалентен часу работы в компании Neuralink Илона Маска по производству интерфейсов «мозг-машин». В дальнейшем в ходе такого взаимовыгодного обмена предполагается сбалансирование цен на производственные факторы, заработные платы между его участниками [3, с. 71–72]. Идеи сравнительного преимущества и свободной торговли вполне рабочие идеи и действительно предусматривают взаимовыгодный обмен между странами, но только между странами с одинаковым уровнем экономического развития. Использование данных принципов в отношении развивающихся стран приводило к минимизации их экономического потенциала, деиндустриализации экономики и, в конечном счете, к превращению этих стран в зависимые колониальные образования.

Страны с развитой экономикой в свое время проходили этапы протекционистской защиты своих развивающихся отраслей промышленности от внешней конкуренции, и как только страна достигала должного уровня индустриального развития экономики, требовался количественный ее рост. Внутренних рынков было недостаточно, требовался рынок международный. Выход на мировой рынок в качестве ведущих экономических игроков, а то и монополистов в определенных производственных сферах, в которых технологическое и экономическое преимущества, давали возможность обладания не только конкурентным экономическим потенциалом, но и возможностью международного политического влияния. Индустриальная основа экономики этих стран позволяла создавать современные, технически оснащенные вооруженные силы, с помощью которых можно было поддерживать сформированную систему разделения труда, запрещая развивающимся странам проводить политику экономического протекционизма, политически заставляя держать экономические границы открытыми, лишая их тем самым возможностей индустриального развития. «Внутренняя политика протекционизма была перенесена в зону развитой и в принципе свободной мировой торговли. Это и был движущий мотив европейского колониализма» [4, с. 334].

Теории абстрактного канона, принципы которого легли в стратегии международной экономической политики развитых стран в отношении

стран развивающихся, дало возможность навязывать им модели экономической политики, основанные на совершенной конкуренции и убывающей отдаче. В этих странах создавалась моносекториальная экономика, специализирующаяся на добыче и экспорте природных ресурсов, сельскохозяйственном производстве, в крайнем случае на производстве товаров старого технологического уклада с незначительной добавленной стоимостью.

Теоретические концепции абстрактного канона стали идеологическим инструментом создания новой реальности для развивающихся стран, в том числе и через систему образования в этих странах, культивируя эти теории в учебных программах по экономике. То есть через систему рационального знания конструировалась новая история. Рассвет теорий абстрактного канона наблюдался в 1760, 1840, 1990 годах, после которого начинались социальные катаклизмы в странах периферии и полупериферии. Таким образом, подобные экономические теории хорошо объясняя принципы сравнительного преимущества и взаимовыгодного обмена путем свободной торговли между странами одной экономической «весовой категории», отправлялись на экспорт в страны периферии в качестве институций рационального знания и принципов экономической политики, и явились фундаментом научного обоснования выбора странами третьего мира экономической модели, специализирующейся на бедности.

По мере более углубленного взаимодействия между странами развитыми с одной стороны, и между развитыми и развивающимися странами с другой, в «длинном XIX веке» начали формироваться технологические зоны — крупные самодостаточные системы разделения труда, углубляющиеся за счет постоянного расширения. Они характеризуются функционированием в ограниченном географическом пространстве, где осуществляются технологические процессы, формируя единую унифицированную технологическую среду, которая создает финансово-экономическую инфраструктуру данного пространства с политическим и военным обеспечением для устойчивости системы и расширения новых рынков [5, с. 169]. Любая технологическая зона базируется на таком феномене как воспроизводственный контур, представляющий из себя набор производств, технологий, ресурсов, заключенных в рамках самодостаточной экономической системы, имеющей возможность самовоспроизводиться и обеспечивать стабильный уровень жизни для большей части ее населения [4, с. 328]. По мнению О. Григорьева воспроизводственный контур в масштабах мировой политики может

включать в себя несколько государств или государственных образований, каждое из которых выполняет свою политическую роль и экономическую функцию. Поскольку природа образования и функционирования технологических зон имеет экспансионистскую основу, то ее расширение происходит путем объединения нескольких воспроизводственных контуров в один, в том числе за счет разрушения других экономик, каждая из которых становится составным элементом более крупного воспроизводственного контура.

Рассматривая крупные воспроизводственные контуры, которые легли в основу формирования технологических зон, можно увидеть их структурную политико-экономическую неоднородность. То есть наличие ядра воспроизводственного контура и его периферии и полу-периферии. Зачастую периферия выполняет ограниченные технические функции в рамках всего воспроизводственного контура и в отношении ее может существовать запрет, в том числе и законодательный, на создание институтов, стимулирующих развитие реального сектора, например, промышленности. Периферия может существовать в форме докапиталистических укладов, причем созданных ядром контура искусственно. Так, например, капитализм создал институт рабства в XIX веке в зоне Карибского бассейна. Однако, крупные воспроизводственные контуры могут существовать автономно в рамках более крупных контуров. Например, Франция, Голландия, Бельгия, будучи не только суверенными национальными государствами, но и колониальными державами, были включены в первую технологическую зону — Британскую, которая окончательно сформировалась в первой четверти XIX столетия. Для преобразования крупного воспроизводственного контура в технологическую зону необходимо было условие — обладание определенным объемом рынка, включающий количественный критический порог потребителей, то есть активных экономических участников рынка. От его количества и платежеспособности зависела устойчивость и самодостаточность всего воспроизводственного контура. Необходимым звеном технологической зоны должно быть наличие собственной финансовой системы для снятия рисков производителей реального сектора.

По мере развития капитализма, более углубленного разделения труда, стали формироваться альтернативные технологические зоны. Во второй половине XIX века возникла Германская и Американская технологические зоны, каждая из которых для своего бесперебойного функционирования — обеспечения критически необходимого количества технологий, должна

была включать в себя 50–80 млн. потребителей рыночных услуг. Если данный порог в условном воспроизводственном контуре не достигался, то прогресс останавливался, экономика стагнировала, и он поглощался более экономически крупными и технологически развитыми образованиями. «...воспроизводственный контур должен обладать некоторым минимальным масштабом рынков сбыта, без которого достижение соответствующего уровня разделения труда (и технологий) просто невозможно» [5, с. 177].

Таким образом, уже в XX веке сформировалось четыре технологические зоны — образования превышающие масштабно крупные государства, например, Германская технологическая зона включала в себя не только страны Центральной, Восточной и Северной Европы, но и Российскую империю. Со временем были созданы управляющие структуры наднационального уровня, ставшие предвестником мировой глобализации.

Отечественная технологическая зона была создана в Советской России в 20–30-х годах. Объективные условия для социальной регенерации были сохранены — от империи досталась в наследство основная часть территории и большая часть ее населения. Согласно концепции социальной регенерации Александра Зиновьева, при сохранении географического и демографического потенциалов система воспроизводит со временем саму себя [6, с. 140]. Поэтому к 30-м годам Советский Союз воспроизвел геополитические паттерны Российской империи практически в полном объеме. Советская элита для создания своей технологической зоны решила несколько принципиальных вопросов — ликвидация неграмотности и создание своей системы образования, со временем с мировым признанием; путем политики коллективизации был создан экономически активный потребитель; был создан внутренний рынок продукции, произведенной на основе наукоемких технологий; была проведена индустриализация, отличающаяся от капиталистической способом производства, но функционировавшая в индустриальном способе хозяйственной деятельности, как и капиталистическая экономика. Ключевое отличие заключалась в принципах распределения благ, порожденных разницей в отношениях к собственности. И как показала история, изменение этих противоречий приводит к преобразованию капитализма в социализм, и наоборот [7, с. 26].

Советский Союз, после второй мировой войны, постепенно включил в свою технологическую зону страны социалистического содружества, так называемые неприсоединившиеся страны на разных континентах. Советская

элита работала с национально ориентированными элитами развивающихся стран на равноправных отношениях, создавая им обрабатываемую промышленность с несовершенной конкуренцией и возрастающей отдачей, готовя им кадры в своих ВУЗах, обеспечивая условия политики развития. СССР в свою очередь инвестировал в эти страны свой капитал, получая прибыль за счет снижения издержек. Была образована мировая система социализма в виде технологической зоны, глобального коммунистического проекта, конкурировавшего с капиталистическим. Советская технологическая зона основывалась на развитии всех ее элементов, а не на их эксплуатации.

Развал советской технологической зоны обеспечил выход американской из третьего кризиса падения эффективности капитала, на этот раз без мировых войн, за счет появления новых рынков и новых потребителей. Россия осталась без внешних рынков, без своей финансовой системы, с разрушенным реальным сектором, со 140 миллионным населением. Через компрадорскую элиту Запад включил нашу страну в институциональную систему Западного глобального проекта на правах полуколонии, навязав принципы экономической политики, основанные на совершенной конкуренции с убывающей отдачей, сводя возможности проведения политики развития через МВФ, ВТО, МБРР к минимуму. России оставили возможность развивать только сырьевой сектор, для эксплуатации которого даже оставшейся части населения было много. Экономическая роль России как сырьевого придатка американской технологической зоны способствовала депопуляции населения страны.

С приходом к власти Владимира Путина, национально ориентированные элитные группы прекрасно осознавали, что демографический потенциал — это объективное условие экономического и политического суверенитета страны, поскольку даже при наличии современных технологий нового уклада, наличия ресурсов и капитала, современная экономика не окупится и не будет развиваться, если она не включит в свою сферу минимум 250–300 млн. экономически активных потребителей. Демографические тренды и экономическая логика подсказывала путь восстановления интеграционных связей с Беларусью, Украиной и другими бывшими союзными республиками. Потому Таможенный союз, Евразийское экономическое пространство и другие международные экономические союзы были созданы для концентрации экономических потребителей хотя бы на базе СНГ, населяющее народы с единой исторической судьбой. Однако, Запад создал плотную

завесу из санитарных кордонов по периметру границ с Россией. Здесь можно привести слова госсекретаря США Хилари Клинтон в 2012 году о попытках России воссоздать Советский Союз в новой версии под вывеской экономической интеграции, и сделать со стороны Соединенных Штатов все возможное, чтобы предотвратить эти процессы. На следующий год не без помощи США произошел государственный переворот на Украине, на экономическую интеграцию с 50 миллионным квалифицированным населением которой рассчитывала Россия.

Современная экономическая политика России достаточно противоречива. Произошел переход от олигархической модели капитализма к модели государственного капитализма. Все недра страны находятся в юрисдикции Российской Федерации, и зарубежные компании не могут их разрабатывать. Руководством страны обозначены стратегические приоритеты экономического развития с акцентом на производственный потенциал. Однако, финансовый блок правительства и руководство Центрального Банка России более склонны выполнять рекомендации МВФ и ВТО, которые направлены на ослабление институтов развития на нашей территории. Это выражается в несопоставимых с нашими геополитическими конкурентами бюджетах на образование и научно-исследовательские разработки. Существующая ключевая Центрального Банка ставка на сегодняшний день неподъемна для развития отечественной промышленности, малого и среднего бизнеса.

Демографическая стратегия развития не носит глубинного характера и по сути стратегией не является, а декларацией о намерениях. Проведение эффективной демографической политики не должно ограничиваться выплатой материнских капиталов и завозом неквалифицированных мигрантов. В стране очень высокая норма эксплуатации труда, снижение реальных доходов населения, рост стоимости жилья и увеличение ипотечных ставок. Отсутствие проектных идей, на основе которых строятся система смыслов и решаются задачи цивилизационного уровня. Стране необходима долгосрочная стратегия развития с упором на собственные силы. Экономическая политика должна создавать условия для воспроизводства и дальнейшего роста собственной рабочей силы от размера которой зависит ее собственный рост.

Список литературы / References

- [1] Фурсов А.И. DE CONSPIRATIONE: Капитализм как заговор. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013.

- Fursov A.I. DE CONSPIRATIONE: Capitalism as a Complot. Moscow: Association of scientific publications KMK, 2013. (In Russ.)
- [2] Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. Reinert E.S. How Rich Countries Became Rich, and Why Poor Countries Still Stay Poor. Moscow: Izdatelskiy dom Higher School of Economics, 2014. (In Russ.)
- [3] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: АСТ, 2023. Ricardo D. The Beginnings of Political Economy and Taxation. Moscow: AST, 2023. (In Russ.)
- [4] Григорьев О.В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014. Grigoriev O.V. The age of growth. Lectures on economics. The Rise and decline of the global economic system. Moscow: Career Press, 2014. (In Russ.)
- [5] Хазин М.Л. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. М.: РИПОЛ классик; Пальмира, 2020. Khazin M.L. Remembering the future. Ideas of Modern Economics. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies; Palmyra, 2020. (In Russ.)
- [6] Зиновьев А.А. Русский эксперимент. «L'Age d'Homme — Наш дом». М., 1995. Zinoviev A.A. The Russian experiment. «L'age d'Homme — Our house». Moscow, 1995. (In Russ.)
- [7] Романов А.С. Энергоэнтропическая теория политической экономии. Алматы: Верена, 2009. Romanov A.S. Ergoentropic Theories of Political Economy. Almaty: Verena, 2009. (In Russ.)
- [8] Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: Эксмо, 2008. Mendelev D.I. The Perception of Russia. Sacred Thoughts. Moscow: Eksmo, 2008. (In Russ.)